

ЛЮДИ ПРЕДОГРАНОВ

2000-е. КРИМИНАЛЬНЫЙ РУБЕЖ

я женщина,
ГОСПОДИ!

2000-е: Криминальный рубеж

Людмил Федогранов

Я женщина, Господи!

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Федогранов Л.

Я женщина, Господи! / Л. Федогранов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (2000-е: Криминальный рубеж)

Сергей Филаретов — лучший в мире велогонщик, он зарабатывает большие деньги, у него есть верные друзья и любимая девушка Настя. Но... команда «Дельта», в которой работает Сергей, давно уже работает и на наркобизнес. Кто-то из друзей Сергея работает на бандитов... Чтобы сделать босса команды более сговорчивым, наркодельцы похитили Сергея в день его свадьбы... Счёт идёт на минуты, друзья Сергея должны спасти парня. Но судьба велогонщика зависит от причудливых хитросплетений преступного мира, к «сильным мира сего» принадлежит друг Сергея Андрей Свистунов, которого конкуренты пытаются уничтожить...

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Людмил Федогранов

Я ЖЕНЩИНА, ГОСПОДИ!

*Наташеньке, но не нынешней, которую я просто не знаю, а той,
на которую так сильно похожа Настя, с благодарностью посвящается.*

Будь счастлива!

Автор

ПРОЛОГ

«Я женщина, Господи, дай мне, беспомощной, силы, Чтобы сильным помочь, чтобы посом стать для того, кто устал торопиться...»

Новейший музыкальный центр, в котором органически, с учётом последних достижений микроэлектроники, были смонтированы два проигрывателя, несколько магнитофонов и масса всяких «прибамбасов», стоял в небольшой квадратной комнате типовой трёхкомнатной квартиры, и мощные колонки его работали, заполняя эту комнату тихим, страдающим голосом певицы...

«Господи, ну откуда в её голосе и душе такая мольба, такой надрыв, такое отчаяние? Откуда?...

Кажется, что в голосе этой поющей женщины слились воедино голоса всех женщин земли, которые, какими бы разными они ни были, хотели и хотят только одного – Счастья.

Обычного счастья...

Но его, Счастья, в мире почему-то всегда не хватает, никак не хватает его, и поэтому беспомощной женщине... просто приходится становиться сильной, по-настоящему сильной, и уже не помогает она этим призрачно «сильным» мужчинам, а... спасает их от этой их бессильной, никчёмной «силы», которая ничего не может до тех пор, пока слабая женщина, осознав, что её Счастье находится под угрозой, не вступает за него в бой.

Не против кого-то, неведомого или слишком хорошо ей известного, а ЗА – за своё право на счастье, которое жизнь хочет у неё отобрать...»

Пластинка была старой и затёртой, поэтому голос певицы, и без того хриплый, казался совсем уж грубым, – и Настя Смирнова думала о том, что ей давно нужно было бы где-нибудь разыскать хорошую пластинку и переписать на новый лазерный диск или на фирменную кассету все те песни, которые когда-то, задолго до её, Насти, рождения, напела на пластинку Алиса Фрейндлих.

... Спектакль назывался «Интервью в Буэнос-Айресе», он рассказывал о людях, погибших в те годы, когда в Чили Аугусто Пиночет и его подручные истово отрабатывали полученные от янки деньги, и события эти происходили за семь лет до появления на свет Насти Смирновой, жительницы города Солнечногорска Московской области, которая пока что не была ни в Чили, ни в Аргентине, ни в прочих заокеанских странах, но которая немало знала о них – и не только из «ящика», а и от человека, исколесившего на своём велосипеде все континенты и так интересно умеющего рассказывать о том, что происходит на обочинах дорог, по которым проходили гонки... И эти долгие, чаще всего ночные, рассказы были такими интересными, и эти огромные зелёные глаза горели огнём такой любви и такого обожания, что...

Настя очень любила эту старую пластинку, даже не столько саму пластинку, сколько голос Алисы на ней – никогда более не доводилось девушке слышать в этом голосе одной из любимых своих актрис такого отчаяния, смешанного с надеждой, хотя песни в исполнении Фрейндлих в семье Смирновых любили, и родители в своё время успели приобрести практически всё, что нещедро выпустила пресловутая «Мелодия», отечественный монстр-монополист, в своё время бездарно упустивший возможность открыть миру, как теперь принято говорить, «раскрутить» многих и многих на самом деле талантливых людей (вспомнить хотя бы одного Высоцкого!..), но тупо штамповавший бесчисленные «зеркала души», отражающие зияющую пустоту – а что ещё при полном отсутствии того, что должно отражать зеркало, можно в нём увидеть?...

Сегодня Настя сознательно позволила себе, как она называла про себя такое своё поведение, «тайм-аут» в университете, потому что сегодня находиться в аудитории она просто не смогла бы: сегодня прилетал Серёжка.

... Они не виделись больше месяца – сначала их команда была на подготовке, потом они ехали многодневку, которую лидер команды уверенно выиграл и после которой нужно было сделать ещё что-то по рекламному контракту, потом ещё что-то...

Всё это время они, как обычно, ежедневно (по несколько раз в день!) «общались по фону», как издевательски окрестил это так им обоим необходимое, но так изматывающее их «общение» Сергей, и это «фоновое» присутствие каждого из них в жизни любимого человека становилось с каждым днём всё более и более мучительным, потому что нет и, наверное, никогда не сможет быть техника такой, какой бы совершенной она ни была, чтобы она могла заменить ощущение тепла и покоя, возникающее от присутствия рядом с тобой (или не рядом, а в тебе самом, в душе твоей?...) человека, который нужен тебе сильнее, чем ты сам себе нужен в этой жизни...

И не патетика это, не громкие слов, не словоблудие, а истинная правда, потому что любой из нас без любимого человека неполон, нет его – и ты сам – не ты, а какая-то несуразная часть человека...

Поэтому Настя, когда Сергей радостно сообщил ей, что они «отстрелялись, теперь полная свобода!», стараясь удержать в себе слова, рвущиеся наружу, неловко замолчала.

– Насть, а Насть, ты чего молчишь-то? – Серёжка, полный радости, «не просёк» это её состояние. – Я говорю, что мы теперь на неделю вольные птицы, и поэтому я через два дня дома буду!

– Да, – односложно и невпопад отозвалась Настя на его слова.

– Так ты вроде бы как и не рада этому? Или это мне... мерещится?

– А ты пораскинь умишком, – посоветовала Настя, к которой постепенно возвращалась способность внятно выражать свои мысли.

– Я сегодня утром кофе пил без сахара, поэтому много думать мне категорически противопоказано! Опасно для здоровья – радостно объявил Сергей.

– Никак, совсем плохой стал?

– Со всем, что во мне есть, – стал плохой!

– Ладно, Мальчиш-Плохиш, рада я этому, рада, можешь не бежать за сахаром, бочкой варенья и ящиком печенья! Только...

– Настя, я буду дома целых... четыре дня, – заторопился Сергей, – так ты как-то возьми там отгулы, в своём универе...

– Не учи учёную, Мистер Спурт («Мистер Спурт» – это было прозвище Сергея Филаретова, под которым русский гонщик был более чем известен во всём мире – во всяком случае, в той его части, среди тех обитателей земного шара, которые воспринимали велоспорт как нечто, заслуживающее внимания, а таковых на нашей планете ох как немало!), не учи учёную! На четыре дня у студентки Смирновой возникают «семейные обстоятельства», и соответствующие университетские инстанции об этом уже поставлены в известность! Документально и своевременно, в установленном российским законодательством порядке...

– Семейные обстоятельства? – обычно чуть глуховатый голос Сергея, казалось, превратился в некую вибрирующую, туго натянутую струну. – Ты... откуда?...

– Что «откуда»? Из дому говорю, ты же сам мой домашний номер набирал, Спуртёныш...

– Всё нормально, – Сергей уже овладел собой, и голос его стал таким, как всегда. – Даже при условии употребления кофе без сахара...

– Ты что, решил на сахаре экономить? Или это Пит всех вас на диету посадил? – язвительно поинтересовалась Настя, имея в виду технического директора команды Пита Джефферсона. – А сам он – тоже на диете?

– От него дождёшься! Я говорю, что понять, что ты находишься у себя дома, я пока что в состоянии, но... Ты в какой комнате, а?

– А тебе зачем?

– Ну, я...

– А вот этого я тебе никогда не скажу! – пообещала Настя. – Никогда, ни за что не скажу!!!
Сам должен додуматься, не маленький!

– А я и додумался! Вот слушай! – Сергей всерьёз собрался доказать свои способности к ясновидению, и Настя приготовилась слушать...

ГЛАВА I

... Стандартный лист белой бумаги очень хорошего качества.

На нём – две колонки цифр и два графика.

Самый обычный документ, распечатка файла, сделанная на дорогом лазерном принтере. Видно, что принтер дорогой, потому что качество печати близко к идеальному. Такие документы очень приятно держать в руках: людям вообще приятно, когда вещи, которые должны облегчать их жизнь, отлично выполняют эти функции.

Их было пять, пять одинаковых листов бумаги с одинаковыми цифрами и графиками, и распечатаны файлы были на одинаково дорогой офисной технике, стоявшей в пяти респектабельных офисах в пяти разных странах мира.

Странах, которых находились очень и очень далеко друг от друга.

... Вот только держали в руках эти одинаковые листы бумаги совершенно разные люди, даже цветом кожи они отличались: альбинос скандинавского типа и потомок тех, кого везли в самую свободную страну мира в вонючих трюмах скрипящих от океанских ветров парусников...

Вместе с тем, этих совершенно разных мужчин объединяли две вещи: печать властности, которая отличала их лица и поведение, и явное недовольство, с которым эти хозяева жизни разглядывали описанные выше документы. Причём было очевидно, что недовольство это вызвано не качеством печати или бумаги.

Вероятно, содержание документов, которые оказались на их рабочих столах, и вызвало недовольство серьёзных, знающих цену деньгам людей.

Им было понятно, что то предприятие, в которое каждый из них вложил немалые суммы и доходы от которого до недавних пор с лихвой компенсировали эти вложения, перестало приносить такое количество денег, что на потери можно было закрыть глаза. Потери были и раньше, и это, конечно, не радовало, но и не могло не устраивать инвесторов, каждый из которых понимал, что деньги были вложены в достаточно сомнительное, если не сказать больше, с точки зрения закона предприятие, и поэтому был готов к неизбежным в этом случае потерям. Однако прибыли были такими, что эти неизбежные потери себя оправдывали.

Так было достаточно долго, и бизнесмены привыкли к этому.

Сейчас же они держали в руках неопровержимое свидетельство того, что всё изменилось. Накладные расходы на риск, которые они изначально воспринимали как обязательное условие своей деятельности, стали слишком большими, и предприятие перестало приносить те дивиденды, которые оно, по замыслу создателей и инвесторов, должно было приносить.

Мириться с этим было нельзя. Пока что существенные, но не смертельные, финансовые потери были не очень значительны, и, как любил говорить один из компаньонов, в общей картине «погоды они не делали»: прибыли всё равно были огромными и оправдывали деятельность предприятия.

Пока что было так.

Но умный человек всегда старается увидеть и осмыслить перспективу. Потому что именно перспектива определяет целесообразность любых начинаний. Ведь до того, как ты начнёшь получать прибыль, обязательно нужно что-то отдать. Это универсальный закон, он действует везде: от отношений двух людей до предприятий с миллиардными капиталами.

Компаньонам предстояло избрать стратегию своего дальнейшего поведения. Собственно, выбор был простым: или-или. И каждый из них хорошо знал, что решение необходимо принять очень быстро, потому что в мире большого бизнеса промедление на самом деле подобно смерти.

Своей собственной смерти, которую ты старательно приближаешь.

Поэтому очень часто бывает так, что оптимальным решением проблемы тоже становится смерть. Чья-то смерть, ведь никто не хлопчет о собственной, она сама находит тебя тогда, когда приходит время...

Всё шло к тому, что пора было принимать решительные меры. Сыграть на опережение, это самая лучшая тактика. Тот, кто нападает, уже имеет преимущество, и это преимущество нужно с толком использовать.

Тогда на стандартном листе белой бумаги, который в следующий раз окажется на твоём столе, лазерный принтер нарисует совсем другие цифры и графики. Радующие душу тем, что всё идёт отлично.

Радость это будет стоить дорого, но она будет того стоить. Для того, чтобы ты мог радоваться, кто-то вынужден будет расстаться с жизнью, кто-то выживет, но пройдёт через такие кошмары, что смерть могла бы показаться желанной – как избавление... Кому-то будет очень плохо.

Это будет цена твоей радости.

Но какое тебе дело до того, сколько заплатят другие за то, чтобы ты пораздовался и тебе стало хорошо?!

Каждый выживает сам, и проблемы тех, от кого зависит изменение цифр на листе бумаги, – это их проблемы...

Компаньоны приняли решение, и оно привело к тому, что на какое-то время жизнь самых разных людей и в самом деле превратилась в ад.

... Стандартный лист белой бумаги очень хорошего качества...

* * *

Иногда заслуженному мастеру спорта Сергею Филаретову, одному из двух лидеров команды велогонщиков «Дельта», олимпийскому чемпиону, двукратному чемпиону мира среди велогонщиков-профессионалов, неоднократно победителю и призёру многих престижных велогонок, становилось жутко совестно перед теми, кто так никогда и не добился всего того, на что по праву мог претендовать.

Так совестно, что и рассказать об этом никому нельзя было. Кроме Насти. А тогда, когда Насти в его жизни не было, – вообще никому...

Ему было совестно перед несколькими поколениями советских велогонщиков, которые так и остались на всю свою спортивную жизнь «любителями», которые ушли, так и не свершив в велоспорте того, для чего они явились на свет, что позволял им свершить их уникальный, Богом данный, талант...

Историю велоспорта, как и историю вообще, переписать уже невозможно, каждый из тех, кто мог что-то сделать и сделал в этом виде спорта, занял в этой истории своё место, и это так. С этим можно было бы и не спорить, если бы не было в ней «чёрной дыры», которую когда-то гордо называли советским спортом...

Так получилось, что в велоспорте не всегда тот, кто был сильнейшим «де-факто», становился таковым «де-юре», далеко не всегда – и чаще всего причины этого крылись не в личности спортсмена...

Сергей Филаретов задумывался иногда о том, какой вид имела бы мировая «табель о рангах» велогонщиков, если бы в своё время гонщики из бывших социалистических стран имели возможность гоняться вместе с профессионалами во всех этих многодневных «турах» и «джиро», если бы не было пресловутого «железного занавеса», наглухо перегородившего мир велоспорта на «любителей», лучшие из которых были на самом деле профессионалами самой высокой пробы, и на «профи», которые, не имея иногда достойной конкуренции, вели себя по-любительски... Удержались бы те, кто в своё время почитался чуть ли не Богом, хотя бы

в десятке, если бы все действительно сильнейшие велогонщики мира могли выяснять победителя в каждой из великих гонок?

Конечно, сейчас об этом можно было только гадать, но Сергей, который сам стал профессионалом в двадцать три года, выиграв до этого в любительском велоспорте всё, что только можно было в нём выиграть, понимал, что он и его сверстники – всё-таки ещё и баловни судьбы, которым просто посчастливилось родиться тогда, когда талантливый человек получал возможность реализовать свой талант полностью, не будучи ограничен идиотскими рамками, способными навсегда искалечить жизнь в спорте.

Сколько их, раздавленных СИСТЕМОЙ велосипедных гениев, так и остались навсегда лишь победителями Гонки Мира (была такая игрушка для гонщиков из соцстран), хотя в этом самом «Мире» мало кто мог удержаться у них «на колесе»?... Другим, живущим в свободном мире, доставались всемирная слава и большие деньги, а им, действительно сильнейшим, – значки «заслуженных мастеров спорта» и... унижающая человеческое достоинство необходимость заглядывать в рот каждому ничтожеству, чиновнику от спорта, в руках которого находилась твоя, спортсмена, судьба...

Они, эти великие, гениальные спортсмены, гробили здоровье ради того, чтобы быть первыми, они спивались от тоски и ужаса перед жизнью, когда «выходили в тираж», потому что лучшие годы этой жизни были отданы спорту, чиновники от которого безжалостно вышвыривали их из него как отработанную деталь механизма, который обязан работать идеально – и какая разница, кто будет крутить колёса, лишь бы результат был таким, какой нужен руководству и который даст чиновнику возможность безбедно просуществовать до пенсии, исправно получая премии и награды за победы, добытые чужим трудом, чужим потом, чужой кровью и – иногда – чужой жизнью?...

Именно перед ними, гонщиками от Бога, и ощущал свою невольную вину преуспевающий миллионер (личный контракт – полтора миллиона долларов США в год) Сергей Филаретов, который никогда не брал чужого, а в поте лица своего зарабатывал эти миллионы в «свободно конвертируемой валюте» (как говорили у него на родине), которого уважали и боялись соперники, потому что он, Сергей, мог в мире велоспорта такое, что кроме него, мало кто ещё мог...

И именно ему, счастливчику и баловню судьбы, было невыносимо стыдно перед теми из своих предшественников, кто так и ушёл из спорта, не отдав ему всё, что мог, и не получив всего того, на что по праву таланта мог претендовать в жестоком мире вечных гонок...

* * *

Положение Сергея Филаретова в команде «Дельта» было незыблемым. Собственно, и сама команда-то создавалась «под него», все остальные гонщики подбирались таким образом, чтобы в нужный момент каждый из них мог внести свой вклад в победу Сергея.

При этом были просчитаны абсолютно все возможные варианты.

Когда-то советские спортивные журналисты с фальшивым возмущением и деланным сочувствием расписывали якобы бедственное, бесправное положение «грегари» – гонщиков, которые в ходе гонки должны были помогать лидеру команды выигрывать. Крокодиловые слёзы проливались над несчастными судьбами тех, кто якобы вынужден был жертвовать собственными интересами ради того, чтобы «хозяин» мог приехать первым.

Это рассматривалось как безжалостная эксплуатация человека человеком, как унижение личности, как «волчьи нравы» профессионального спорта...

Правда, и в спорте «любительском» всё было построено на тех же самых «волчьих законах», потому что велогонка – она и есть велогонка, и в ней просто невозможно победить в одиночку, здесь любая победа – это громадный труд большого коллектива, когда каждый вносит

в эту общую победу то, что может и должен в неё внести. «Побеждает не гонщик – побеждает команда!» – вот основной закон велоспорта.

Сергей Филаретов был сильнейшим гонщиком-финишёром современности: ни один из его соперников не мог даже и мечтать о том, чтобы выиграть у него, когда Сергей начинал «работать на финиш». Но ведь до этого самого финиша ещё нужно было добраться! Доехать до него, и не в конце где-нибудь, откуда никаких сил человеческих не хватит выбраться, а на такой позиции, чтобы можно было «выстрелить» в нужное мгновение и опередить всех тех, кто хочет победить не меньше, чем ты сам, кто годами работает на тренировках и в гонках ради успеха на этих последних финишных метрах!..

Тех финишёров, которых, как и тебя самого, «везёт» команда, заботливо оберегая от тех сюрпризов, которые могут преподнести дорога и соперники, погода и люди...

Всего в команде «Дельта» насчитывалось двадцать четыре гонщика, и каждый из них твёрдо «знал свой маневр». С командой работали восемь тренеров, шестнадцать «техничек», шесть врачей-массажистов и четыре менеджера. Всем этим немалым хозяйством руководил технический директор команды Питер Джефферсон, которому помогал заместитель.

Каждый из людей, работавших в «Дельте», имел персональный контракт, и в этом контракте особо были оговорены премиальные: если гонщик из «Дельты» выигрывал гонку или добивался соответствующего результата (всё было чётко «прописано»), то от этого были в выигрыше абсолютно все, кто был причастен к команде. Поэтому каждый знал, что лично для него любой успех любого гонщика из команды означает в первую очередь улучшение его собственного материального положения, и это делало любого, даже самого последнего из механиков, лично заинтересованным в том, чтобы совершить, если это было необходимо, что-то вроде подвига в интересах команды.

Разумеется, подобного рода взаимозависимость, обеспечивающая заинтересованность каждого в достижении командного результата, достаточно давно стала нормой профессионального спорта, и каждый из руководителей команд – соперниц «Дельты» – стремился к тому, чтобы в возглавляемом им коллективе сложились отношения, которыми славилась «Дельта», имевшая в мире велоспорта почётную репутацию команды-бойца, в которой девиз мушкетёров Дюма – «Один за всех, все – за одного!» – был не пустыми словами, а основой жизни команды.

Все всё понимали, но...

Настойчивые попытки соперников победить команду «Дельта» её же собственным оружием изначально были обречены. Потому что у соперников не было Питера Джефферсона, человека, который буквально на пустом месте создал эту уникальную в мире велоспорта семью (а «Дельта» была именно семьёй!) и заботливо охранял её от внешних и внутренних врагов.

В отличие от подавляющего большинства своих коллег, директоров команд, бывших в прошлом достаточно известными велогонщиками, технический директор команды «Дельта» Питер Джефферсон впервые познакомился с велосипедом (и не только спортивным!) только тогда, когда... занял своё нынешнее место.

До этого он вообще ни разу в своей жизни на велосипед не садился!.. Смотреть на него не мог!..

Тридцатипятилетний Питер Джефферсон был нетипичным американцем: он не только не вёл здоровый образ жизни, не занимался активно спортом, который считается вернейшим средством для достижения железного здоровья и долголетия, он вообще... игнорировал спорт. Это ужасно мешало Питеру и в школе, а после неё – правда, несколько меньше, – в Гарварде, поскольку американская образовательная система рассматривает спорт едва ли не как важнейшую составляющую процесса обучения. Но Питер обладал светлой головой и умением отлично ладить с окружающими, он умел добиваться нужного ему результата в любом деле, которым занимался, поэтому ему удавалось компенсировать несколько настороженное отношение к себе со стороны окружающих, и постепенно он стал тем, кем и хотел стать.

Внешне Питер выглядел так, будто он только что с неохотой оторвался от праздничного стола, досконально разобравшись перед этим со всем тем, что на этом столе находилось, – но был бы не прочь прямо сейчас вернуться за этот же стол. У Питера были круглые и румяные щёки, которые, казалось, лоснились от переедания, а его живот можно было, не боясь впасть в преувеличение, назвать брюхом – настолько внушительный вид имела эта часть его тела. Но при этом владелец такого солидного украшения, которое обычно ограничивает двигательную активность человека, отличался редкой подвижностью: он буквально ни секунды не стоял на месте, и, будь Питер повыше ростом, его можно было бы сравнить с горой, которая находилась в зоне повышенной сейсмической активности...

Но пять футов и четыре дюйма, на которые «вымахал» Питер, вызывали скорее смешное, нежели устрашающее впечатление от его постоянного движения...

Как и у любого человека, у Питера Джефферсона были недостатки. Одним из самых серьёзных можно было считать его неумение и нежелание добиваться настоящего успеха: как только дело, которым он руководил, налаживалось настолько, что руководителю можно было несколько «сбавить обороты», Питеру становилось скучно, и он бросал им заниматься, начал подыскивать себе что-то новое. Именно так он оказался в «Дельте»: став управляющим не самого последнего по значимости в кампании регионального представительства одного из «китов» американской автомобильной промышленности, он три года работал как каторжный, создав коллектив, сумевший за эти три года вдвое увеличить объём продаж, – и... в один прекрасный день всё бросил!

«Там уже могут обойтись без меня, значит, мне там делать нечего», – спокойно объяснил Питер причины своего поступка матери, которая, к слову сказать, не сильно убивалась по этому поводу: она искренно верила в то, что «мой Пит» не пропадёт в этой жизни, что с ним всегда и всё будет в большом порядке, потому что «у него есть голова на плечах». Единственное, что она не уставала требовать от него, никоим образом не было связано с работой: «Ты должен, наконец-то, образумиться и найти себе хорошую девушку, сколько можно работать, Пит!».

Новая работа Питера, которая привлекла его полной неизвестностью (как уже говорилось, спорт для него никогда не стоял даже на двадцать первом месте в жизни), оказалась настолько интересной и захватывающей, что миссис Джефферсон очень скоро поняла: слава Богу, что Питер был её последним ребёнком, что его старший брат и две сестры давно и благополучно сделали её семикратной бабушкой, иначе, ожидая этого подарка от Пита, она была бы обречена на вечное и бесполезное ожидание...

Начиная руководить «Дельтой», Питер совершенно не разбирался в велосипедных делах, но он был менеджером высочайшего класса, поэтому довольно скоро, хотя и как-то незаметно, выяснилось, что Босс (так его сразу же стали звать в команде) умеет необычайно точно «ухватить» суть любой проблемы, какой бы сложной и специфической она, эта проблема, ни была.

И если сначала бывалые «велогоны» могли иногда себе позволить пренебрежительно отозваться относительно профессиональных познаний Питера, то очень скоро он стал для них непререкаемым авторитетом... именно в профессиональных вопросах! Доходило до того, что он мог в мельчайших деталях напомнить человеку, который в своё время принимал участие в той или иной гонке, как именно эта гонка проходила, назвав при этом победителей и призёров каждого этапа и рассказав, как именно эти этапы выигрывали или проигрывали гонщики... «Вспомни, Алекс, как красиво ты от них всех уехал на этом проклятом тягуне!» – говорил Питер, и навсегда заглубившее, обветренное лицо сорокапятилетнего Алекса расплывалось в широкой мальчишеской улыбке: «Классно мы их сделали, Пит!».

Апофеозом торжества Питера стало его первое появление перед командой... на велосипеде. Сначала, когда он взгромоздил свой живот на хрупкий «Кольнаго», который, казалось, даже застонал – не от тяжести, а от такого надругательства над машиной благородных кровей, окружающие постарались деликатно отвернуться, потому что увиденное ими было слишком...

сильным зрелищем для людей, которые, как это иногда чудилось тем, кто видел их в гонке, «родились на велосипедах».

Из уважения к Питеру – а к этому времени его в команде уважали по-настоящему – все молчали, мужественно перенося такое вопиющее издевательство над дорогой машиной, но... Этот несуразный ездок, эта вроде бы гора мяса, этот... бурдюк вдруг поехал! Он не просто сдвинул машину с места, он не покатился, он именно что поехал! Люди, собравшиеся вокруг Питера Джефферсона, отлично понимали, что значит «поехать», и для них было очевидным, что бочкообразный Питер действительно «едет», то есть на стонавшей недавно машине оказался не «чайник», а самый настоящий гонщик!

– Да-а-а, Пит, – ошарашено протянул кто-то из ребят, когда к присутствующим вернулся дар речи, – жаль, что ты в своё время не сел на машину по-настоящему, я имею в виду в детстве, было бы... занятно с тобой встретиться... в работе...

– Сделанного не воротишь, – философски заметил Питер. – Но, парни, я вам скажу: этот ваш «двухколёсный друг» – это да! Повезло вам, парни, можете зарабатывать себе на жизнь именно так, не то, что некоторые, как, например, ваш босс, – и он шутливо ткнул себя кулаком в объёмистый живот.

... Появление в «Дельте» Сергея Филаретова всецело было заслугой Питера Джефферсона. Дело в том, что Сергея, самого талантливого юниора мира, которого иногда называли «русским гением», в профессиональном велоспорте знали давно, его даже успели «застолбить» за собой представители команды, попасть в которую, без преувеличения, считал за счастье любой из гонщиков, – «Авенира». Это была самая богатая из команд, и в ней платили столько, что любой гонщик из «Авенира» после одного сезона работы становился миллионером, можно сказать, практически обеспечивал себя на всю жизнь. Поэтому никто не сомневался, что «русский гений» окажется именно в этой команде миллионеров.

Никто, кроме технического директора «Дельты» Питера Джефферсона.

Честолюбивый Питер, давая согласие возглавить «Дельту» и ничего ещё не понимая в кухне профессионального велоспорта, совершенно точно знал, что очень скоро его команда станет лучшей в мире.

На меньшее он не соглашался.

И был твёрдо уверен, что сумеет сделать всё необходимое для этого превращения гадкого утёнка в белого лебедя, потому что непоколебимо верил в своё умение решить любую проблему – при условии, разумеется, что эта проблема вообще относилась к разряду решаемых...

До прихода в команду Питера «Дельта» работала исключительно на рекламу. Она принадлежала трансконтинентальной корпорации, имевшей свои, очень серьёзные, интересы на всех континентах и тратившей ежегодно на рекламу деньги, которых хватило бы на роскошный (для её представлений о роскошной жизни!) годовой бюджет одной из жутко независимых стран, которых в Восточной Европе с начала 90-х годов расплодилось, аки собак нерезаных.

Велосипедная команда «Дельта» была одним из самых удачных рекламных проектов корпорации: она постоянно работала «по нулям», шл то есть окупала сама себя, что автоматически делало рекламу бесплатной. Огромная популярность велоспорта в мире, множество гонок в самых разных странах приводили к тому, что с точки зрения эффективности реклама, размещённая в этой сфере бизнеса (или виде спорта?...) была одной из самых успешных и результативных.

Поэтому собственно спортивными (весьма незначительными) достижениями «Дельты» в корпорации, которой она принадлежала, были довольны все.

Кроме нового технического директора команды Питера Джефферсона.

Питер начал с того, что... внимательно изучил историю велоспорта. Это было очень увлекательное и полезное занятие, но ничего принципиально нового для себя Питеру узнать не удалось. Как выяснилось, и здесь, как и в любой другой сфере человеческой деятельности,

всё определялось масштабом личности конкретных исполнителей, их профессионализмом и самоотдачей. А специфика работы команды, отношения между гонщиками, между гонщиками и всеми теми, от кого зависел результат, – это те же самые отношения, которые возникают в любом бизнесе. Даже – в чём-то – попроще, потому что имеешь дело с достаточно небольшим и стабильным по составу коллективом, который должен (но это в идеале!) состоять их профессионалов самого высокого класса.

Точнее, тебе, руководителю, необходимо разыскать таких профессионалов, создать этот коллектив и обеспечить его жизнедеятельность и стабильность.

Почему же Сергей Филаретов, который отнюдь не был «романтиком с большой велосипедной дороги» и бессребреником, отказался от «золотых гор», обещанных «Авениром», и предпочёл им работу в очень даже и небогатой на тот момент «Дельте»?

Потому что Питер Джефферсон знал людей и умел находить верный подход к ним. «Дельта» предложила достаточно выгодный контракт не только самому Сергею, но и его личным тренеру, механику и врачу-массажисту, которые были совершенно не нужны «Авениру».

Питер играл наверняка. Он – и это можно было сказать без преувеличения – досконально изучил русского парня, на которого собирался сделать ставку, он внимательно проанализировал всё, что было известно в мире велоспорта о Сергее Филаретове, и пришёл к выводу, что именно такая «оптовая покупка» станет наиболее эффективной формой морального воздействия на него. И очень выгодной сделкой: команда получит не просто гонщика, а человека, который психологически будет ощущать себя более чем комфортно, потому что та среда, в которой он вырос, к которой привык с детства, не исчезнет, не изменится, а естественно перейдёт вместе с ним из мира любительского велоспорта в мир велоспорта профессионального. Микромир, окружавший парня долгие годы, останется неизменным, и это будет его, Сергея, тылом, это должно будет поддерживать гонщика на нелёгком пути становления в новой, профессиональной, жизни.

А «Дельта» получит – почти даром! – классных тренера, механика и врача – вместе с «русским гением»!

Питер Джефферсон оказался прав.

Первый же сезон Сергея в «Дельте» вывел команду-середнячка на ведущие позиции в мире, и руководители корпорации с удивлением обнаружили, что на команде можно прилично зарабатывать: финансовый год «Дельта» закончила с прибылью, чего ранее не случалось, и прибыль эта – если учесть размеры вложений – была значительной.

Даже весьма значительной.

Именно в этот момент во всём блеске проявился коммерческий талант Питера: Джефферсон... решительно «забрал» всю прибыль и направил её, во-первых, на повышение заработной платы всем тем, кто работал в «Дельте» – люди должны были увидеть, что хорошая работа оплачивается выше!

А во-вторых, и это было самым главным, – прибыль пошла на дорогостоящую и оригинальную «химию», благодаря чему гонщики «Дельты» уже в следующем сезоне приобрели колоссальное преимущество над своими соперниками.

Здесь необходимо пояснение.

Современный спорт высших достижений – это уже очень давно борьба не только между спортсменами. Это и борьба, если так можно выразиться, фармакологическая. Потому что реально выиграть что-нибудь более-менее серьёзное без правильно рассчитанной «медикаментозной подготовки» сейчас просто невозможно. Тренеры упорно совершенствуют методики тренировок, разрабатывают новые подходы к подготовке спортсменов высокого класса, а фармацевты столь же упорно совершенствуют процесс медицинского обеспечения достижения соответствующих результатов.

У медали, которую сейчас выигрывает спортсмен, именно эти две стороны.

И, самое главное, ребро медали: сам человек, его талант, его воля, его характер. Без этого результата быть не может.

В циклических видах спорта, к которым принадлежит и велоспорт, проблема «подкормки» стоит особенно остро, потому что во многом именно от того, что «жрут» спортсмены, зависят результаты, которые они показывают, занимаемые ими места и зарабатываемые деньги. Началось это не вчера, и профессиональные велогонщики были одними из первых, кто пошёл по этой дорожке.

Фармакологические средства, с помощью которых достигается улучшение спортивных результатов, постоянно совершенствуются. И если, на заре туманной юности допинга, «велогонцы» лошадиными дозами употребляли противозачаточные гормональные таблетки, то делалось это отнюдь не потому, что они опасались, будто их подруги могли «залететь»: эти таблетки были и остаются эффективнейшим допингом, благодаря которому результаты растут, как на дрожжах.

Естественно, что не остаётся без изменений и система контроля, поэтому тем, кто работает на спорт, причём, заметьте, с обеих сторон! – приходится постоянно искать что-то новое, ещё не известное, что могло бы принести нужный результат, не выходя при этом за жёсткие рамки дозволенного.

Заработанные в первый же год после прихода в команду Сергея Филаретова деньги технический директор «Дельты» вложил в «химию», но это было не совсем обычное в мире велоспорта вложение средств.

Питер Джефферсон заказывал эффективные новейшие стимуляторы, но он требовал, чтобы это были такие стимуляторы, которые, будучи очень и очень дорогостоящими, практически не приносили вреда организму спортсмена. Именно потому, что это очень дорого стоило, результат был таким, которых был запланирован Питером: это был тот же допинг, но он характеризовался минимальными для организма негативными последствиями от его употребления.

Но самым главным было всё же не это.

Огромные деньги были вложены в разработку препаратов, с помощью которых организм спортсмена мог бы максимально быстро и эффективно восстанавливаться после сверхнагрузок. Питер справедливо полагал, что употребление таких препаратов станет более результативным, чем самый совершенный допинг (хотя, как отмечалось, они и были более дорогими), потому что они обеспечивают использование естественных сил человеческого организма, которому при работе на пределе приходится обрабатывать огромные нагрузки и именно для этого прибегать к стимуляторам – за что позднее экс-спортсмены расплачиваются навсегда подорванным здоровьем.

Гонщики «Дельты» очень быстро и по достоинству оценили новаторские идеи своего технического директора и, как было принято в таких случаях раньше выразаться на одной шестой части суши, ответили на них ударным трудом. Закономерным итогом такого ударного труда стало то, что на третий год работы Сергея Филаретова в команде «Дельта» эта команда настолько уверенно «прибила» все остальные коллективы, что теперь уже именно о ней говорили как о безусловном лидере мирового профессионального велоспорта.

А лидер «Дельты» Сергей Филаретов уверенно возглавил мировой рейтинг велосипедистов-профессионалов.

Питер Джефферсон умело маскировал свои намерения, хитрости ему было не занимать. Поэтому, когда соперники спохватились и поняли, что происходит, что-либо реальное предпринимать было уже поздно: «Дельта» уверенно лидировала по всем позициям, а перспективы команды, если учесть возраст её лидера, которому недавно исполнилось двадцать восемь лет, и средний возраст остальных гонщиков, были самыми радужными.

Поэтому казалось, что ничто не могло помешать Питеру Джефферсону и его парням хорошо делать своё дело и получать отличный результат.

Но, как известно, всё хорошо не бывает...

Трудоголик Джефферсон, как уже отмечалось, умел, если это было в интересах дела, отлично ладить с самыми разными людьми. Но по жизни он был довольно одиноким человеком, у которого, как это ни странно, не было друзей, а были лишь приятели.

Правда, Питер обожал свою семью, но Харрисон, Мелани и Дороти были значительно старше него, они привыкли воспринимать младшего брата как «малыша», и это препятствовало возникновению по-настоящему тёплых отношений между ними и заметно подростком «малышом».

Настоящее счастье доставляли Питеру его племянники: этот весёлый, незакомплексованный народ в возрасте от двадцати двух до пяти лет был предан «дяде Питу» и бескорыстно любил его. Или, во всяком случае, почти бескорыстно, потому что Питер щедро тратил свои немалые заработки на племянников, балуя их, как только мог, за что родители и бабушка Салли не единожды ругали его. Однако поделаться ничего не могли, и племянники с восторгом ожидали очередного появления «дяди Пита», которого они частенько видели в телевизоре и который был неистощим на такие классные выдумки!

... Неприятности лично для Питера и его команды начались после того, как его разыскал однокурсник по Гарварду Сол Лиммэн, который к этому времени, как было известно Питеру, сделал неплохую карьеру в ФБР, конкретно – в управлении по борьбе с наркотиками. Во время учёбы в Гарварде они были довольно близки, во всяком случае, Питер Джефферсон сошёлся с Солом настолько, насколько он вообще был способен сойтись с человеком, не носящим сейчас или не носившим ранее фамилию Джефферсон.

Сол разыскал Питера во время одного из этапов «Джиро», и его звонок был фактором, способным испортить настроение любому техническому директору любой из команд-участниц: ничего в мире не существует для них тогда, когда идёт эта сумасшедшая гонка, в которой всё миллионы раз висит на волоске и грозит оборваться в пропасть...

– Я отлично знаю, Пит, что ты чертовски занят, но нам с тобой обязательно нужно увидеться сегодня вечером, и это, дружище, всецело в твоих интересах, – мягкий голос Сола Лиммэна в трубке был настолько доброжелательным, что Питер, который, несмотря на чувство искренней привязанности к Солу, собирался вежливо отказаться от встречи, не смог этого сделать. Кроме того, его не могло не насторожить весьма определённое упоминание Сола о том, что сегодняшняя встреча каким-то образом отвечает интересам самого Питера.

– Сол, ты прав, я чертовски занят, но, мне кажется, нам с тобой обязательно нужно увидеться сегодня вечером, и это, дружище, в твоих интересах тоже! – парировал Питер, на что Сол только засмеялся в ответ, и они договорились о вечерней встрече.

Сол Лиммэн, среднего роста и средней комплекции подтянутый мужчина с невыразительным лицом и крупными руками, встретился с Питером в баре гостиницы, в номерах которой мёртвым сном спали гонщики «Дельты» и некоторых других команд, до изнеможения «напахавшихся» сегодня на одном из самых трудных горных этапов и набравшиеся сил для того, чтобы завтра выйти на старт и проехать не менее сложный и изматывающий этап: «Джиро» есть «Джиро»!

– Пит, я очень благодарен тебе за то, что ты согласился встретиться со мной, ты знаешь, что я рад тебя видеть, но давай сразу по делу, – начал Сол.

– Только после того, как я увижу фотографии Дженнифер и детей! – безапелляционно заявил Питер, и Сол расплылся в довольной улыбке: чёрная, как смоль, толстушка Дженнифер, с которой Питер познакомил его ещё на втором курсе, родившая ему трёх детей и оставшаяся такой же обаятельной и милой, как и пятнадцать лет назад, была его радостью и гордостью, и любое упоминание о ней превращало суховатого Сола в сентиментального отца семейства, который готов был умиляться всему, что с этим семейством было связано.

Питер Джефферсон знал, что в первые минуты встречи сказать человеку, который мог бы с известной долей условности называться его другом!

После того, как Питер бурно и совершенно непритворно восхитился действительно прелестной фотографией семейства Лиммэн, он перешёл к делу.

– С какого бока ветер дует, Сол? И что это за ветер, а? Если ты хочешь рассказать мне кое-что о таблетках, которые глотают мои парни, то не делай этого: как ты догадываешься, я и сам всё о них знаю. И здесь всё чисто, поверь мне! Во всяком случае, чисто настолько, насколько это вообще может сейчас быть чисто. Я ведь не враг самому себе и тем людям, с которыми работаю.

– Это ты сказал, а не я, Пит. О таблетках, – спокойно уточнил Сол Лиммэн. – Я знаю, знаю, что здесь у тебя всё чисто, и вообще у тебя всё чисто, я восхищён тем, как ты ведёшь дело, правда, Пит... А ветер дует... Что ты знаешь о Колумбии? – неожиданно спросил он изрядно удивлённого такой сменой темы разговора Питера.

– Колумбия?... Там были и есть классные гонщики, но жить там тяжело, поэтому они... стараются как можно меньше бывать на родине и жить от неё как можно дальше, – задумчиво проговорил Питер. – Зато, вероятно, твоя организация занимается этой страной... много и серьёзно, ведь там есть чем заняться человеку, который работает там, где работаешь ты?... Только какое отношение... всё это имеет к «Дельте» и моим парням? – насторожился Питер. – Ты не можешь не знать, что в «Дельте» – во всяком случае, с тех пор, как я работаю с командой, – колумбийцев нет. И не в том дело, что я как-то специально их стараюсь не брать, как я уже сказал, среди них есть отличные гонщики, просто у нас несколько иная специализация, мы работаем с другими людьми...

– Например, с этим русским парнем, Филаретовым, которого зовут Мистер Спурт! – подхватил Сол.

– Господи, Сол, да при чём здесь Фил?! – Питер звал Сергея Филаретова Филом, не ведая, что повторяет тем самым его школьную кличку, от которой когда-то высокий, рыжий, худой – кожа да кости! – Серёга Филаретов буквально зверел, потому что в его школьные годы эта кличка была связана с идолищем советской, а после российской эстрады толстощёким Филиппом Киркоровым, по которому слёзно страдало не одно поколение истеричных девиц... Позже Сергей относился к этой своей кличке спокойно, он сам предложил, чтобы Питера называл его так – вместо Сержа: «Ну какой из меня Серж, Пит?!»

– При чём здесь Фил, Сол? – настойчиво повторил Питер, поскольку собеседник никак не отреагировал на его предыдущий вопрос.

– Давай сделаем так: я тебе расскажу... почти всё, что имею право рассказать, а уж ты сам рассудишь, что здесь к чему и кто здесь при чём. Идёт? – предложил Сол Лиммэн, и Питер, заметно встревоженный таким ходом разговора, согласно кивнул головой.

– Идёт-идёт! Давай, Сол, рассказывай!

– Не стану начинать с того, что наркобизнес представляет собой один из наиболее выгодных способов вложения капитала – потому что приносит баснословные прибыли. Ты это знаешь и без меня.

Без меня ты знаешь и то, почему наркотики нужно уничтожать, – у тебя есть племянники, которых ты любишь и будущее которых тебя не может не волновать.

Без меня ты прекрасно знаешь и то, что мы, то есть Соединённые Штаты, фактически возглавляем и координируем борьбу с наркотиками во всём мире, и здесь нам приходится преодолевать множество препятствий, в том числе и деятельность некоторых политических режимов, которые существуют на наркоденьги.

Кроме того, наркотики обеспечивают деятельность международных террористических организаций, в том числе и тех, которые прикрываются религиозными лозунгами. Это очень

опасные люди, они готовят большие пакости нам и Европе, и львиная доля их денег – это деньги от продажи наркотиков. Но... Пит, об этом – всё!

В последнее время особенно много хлопот нам, наряду со всеми теми, о ком я сказал только что, доставляют бывшие республики бывшего Советского Союза, которые гордо называют себя независимыми государствами! – Сол Лиммэн чуть повысил голос. – В них все, включая и властные структуры, как с цепи сорвались, чего там только нет, в том числе и самых «тяжёлых» наркотиков, причём всё это осуществляется в таких масштабах! На территориях этих стран организованы новые каналы по транспортировке наркотиков, и эти каналы работают весьма... активно и, если можно так выразиться, плодотворно... Там же почти поголовная нищета, там за тысячу «баков» можно продать и купить всё на свете! Дикари!

– Сол, – счёл нужным вмешаться в монолог слегка разгорячившегося Сола Лиммэна Питер Джефферсон. – У меня в «Дельте» работает несколько человек русских, но я не узнаю их в нарисованных тобой портретах!..

– Это потому, что у тебя в команде работают те, кто конкурентоспособен! – отрезал Сол Лиммэн. – Эти люди есть везде, и везде они – особого рода профессиональная элита, и потому они уцелеют и будут востребованы при любом режиме, кто бы ни был при власти! Потому что они профессионалы высочайшего класса! Ты и сам знаешь, что таких людей очень мало, и не только у них, в России. У нас таких специалистов тоже очень мало. Поэтому они и ценятся везде так дорого, и я тебе говорю не о них, а об... отребье. Только наше отребье мы худо-бедно научились... контролировать, во всяком случае, мы знаем, как это можно сделать и стараемся... У них же всё рушится, полный хаос, каждый старается выжить как умеет. Мы-то через это давно прошли. И слава Богу, – добавил Сол.

– Не будем дискутировать, хорошо? Объясни мне, при чём здесь мои люди, Сол! Я должен знать это. Я имею право знать это! – Питер был очень настойчив, было заметно, что разговор с Солом очень взволновал его.

– Твои люди?... При том, старина, что в последнее время стали происходить... некоторые любопытные вещи. Это я их называю любопытными, а кое у кого есть на этот счёт другое мнение, – уточнил Сол Лиммэн. – Тебе должно быть известно, что на нас работает много народа, и обычно мы стараемся доводить дело до конца. Так вот, примерно четыре года назад в небольшом городе, в котором происходили финиш-старт одного из этапов «Тур де Франс», нашими людьми был задержан наркокурьер. Обычный наркокурьер. При нём была обнаружена достаточно крупная партия «товара», которая стоила очень дорого и всё такое прочее. Напомню, что это было достаточно давно.

В последнее время мы стали работать более организованно, в том смысле, что заметно улучшилась координация действий... разных ведомств. Ты же знаешь нашу бюрократию! И это улучшение сразу же дало свои плоды: в настоящий момент мы располагаем вполне приличной базой данных, в которой содержится информация обо всех, даже минимальных, партиях наркотиков, задержанных в самых разных странах, и подробная характеристика... самого товара. Словом, это специфика, и знать её тебе совершенно ни к чему, здесь проводится анализ по двадцати семи позициям... Так вот, у этого молодца был весьма интересный продукт: сырьё из Колумбии, качественно обработанное здесь, в Европе. Скорее всего, где-то в горах Испании. Как потом оказалось, это была первая партия из неизвестной нам до этого лаборатории, которую нам удалось задержать, первая ласточка...

– За первой ласточкой последовали другие?

– Последовали, – подтвердил Сол. – И ещё как последовали! Стаи! Понимаешь, это наркотик, который может просто... угробить огромное количество людей, степень его очистки исключительно высока. И, судя по всему, сама лаборатория очень мощная, высокопроизводительная, уж больно часто мы стали задерживать курьеров с «товаром», отличающимся специфическими параметрами. Понимаешь, Пит, очень похоже на то, что в лаборатории произ-

водятся просто огромные партии, а сеть распространения очень обширная, разветвлённая, поэтому так много народу и попадает. Однако, как можно предположить, это существенным образом не отражается на... рентабельности предприятия, так сказать, обычные «издержки производства».

– Сол, я всё понял! Но при чём тут мы? При чём тут моя команда? – нетерпеливо напомнил о себе увлечшемуся собеседнику руководитель «Дельты».

– Вы? Как бы я хотел, чтобы вы были ни при чём, Пит... Да при том, что из восемнадцати задержанных за последние годы курьеров (с «товаром» из этой лаборатории) шестнадцать были задержаны во время проведения крупнейших велогонок, в том числе «Тур де Франс», «Джиро», «Вуэльта»... Нравится?...

– Нет! – предельно откровенно откликнулся человек, для которого вышеперечисленные гонки были частью его жизни, и очень важной частью. – Нет. Мне это совершенно не нравится! Тут уж и дурак, прости меня, Сол, сообразит, что вся эта... наркодеятельность каким-то образом связана с этими гонками, с их проведением. Кстати, дружище, уж не ты ли сумел стать этим самым «дураком», не тебе ли удалось это обнаружить? – он подозрительно посмотрел на Сола Лиммэна, спокойно встретившего его взгляд.

– Я, – спокойно признался Сол. – И с твоей, дружище, помощью.

– Да я-то тут при чём? – возмутился Питер. – Какая ещё к чёрту помощь?

– Понимаешь, я ведь... ну, слежу за тобой и твоей «Дельтой»... Вроде бы как болею за тебя и твоих ребят, – несколько смущённо признался Сол Лиммэн. – И вот, сейчас уже и не вспомню, когда именно, я смотрел программу о гонке, увидел в ней твою, прости, пожалуйста, за выражение... личность – это когда твоего парня награждали – и вдруг меня как током ударило: это же был город, в котором утром парни из Европы взяли курьера! Я тогда как-то об этом не... задумался, но всё это мне запомнилось, уж больно у тебя... лицо было счастливое...

– Дальше можешь не продолжать, всё понятно! Ну хорошо, Сол, ну ладно! Пусть так, пусть кто-то из нас, я имею в виду велоспорт, как-то и связан с этой мерзостью. Тут я с тобой соглашаюсь, но при чём тут мы, при чём тут мои парни?

Сол Лиммэн молчал.

– Сол!

– Две недели назад наши коллеги из России задержали одну из самых крупных за этот год партий, – очень спокойно начал сотрудник ЦРУ. – Опять – та же самая лаборатория, те же изготовители, очень похожий «почерк» – я о канале доставки: «товар» шёл транзитом через Россию, а дальше ему была прямая дорога в такие края, где вообще никакие законы не действуют, так что если бы русские его пропустили...

– И что?! При чём тут «Дельта»? Россия огромная страна, не забывай об этом, Сол!

– Я помню об этом. При чём тут «Дельта», ты говоришь?... «Товар» этот чёртов был задержан в небезызвестном тебе городе Солнечногорске, – очень буднично сказал Сол Лиммэн.

– Это родной город Филадельфии и всех тех, кто с ним работает... – упавшим голосом сказал Питер Джефферсон, и ему очень сильно захотелось прямо сейчас... провалиться сквозь землю...

– Верно. Сергей Филаретов, Геннадий Орлов, Лев Лейзерович и Игорь Воскобойников, – Сол произнёс эти имена по памяти, он не сбился при произнесении этих непростых для языка американца фамилий и не заглядывал ни в какие бумажки, – сотрудники команды «Дельта», местом их постоянного проживания является город Солнечногорск, Российская Федерация.

– Подожди-подожди-подожди, Сол! – Питер пытался ухватиться за соломинку, как это делает, если верить русской народной мудрости, утопающий. – Ты говоришь, что это было две недели назад, верно?! Сол, тогда всё хорошо! Ты ведь сам знаешь, что все они уже два месяца как дома не были! Никто из них не мог попасть в этот свой Солнечногорск в течение последних двух месяцев, у нас же сейчас разгар сезона, ты понимаешь это?!

– Понимаю, – спокойно отозвался Сол Лиммэн.

– Да не улыбайся ты так... ехидно!.. – вскипел Питер. – Ты их знаешь только по документам, они для тебя всего лишь «люди из досье», а я с этими людьми уже почти четыре года работаю вместе, и за эти четыре года мы вместе прошли через такие... Такие... – он не мог найти слова. – И потом! Это ведь, как ты сам сказал, профессионалы высочайшего класса, у них отличная работа и очень приличные заработки, зачем им заниматься этой мерзостью, Сол?

– Не горячись, Пит, – примирительно посоветовал Сол. – Ты тоже не новичок в своём деле, всю жизнь работаешь с людьми и не можешь не знать, что человеку, ну, как бы это поделкатнее выразиться, чаще всего... Ну, мало ему того, что у него уже есть... Сколько бы он ни имел, заметь... А здесь появляется просто фантастическая возможность: сразу получить такие деньги, которые, к слову сказать, на нашей с тобой родине не многие люди могут заработать. Это если честно зарабатывать, – уточнил он.

– Ты не прав Сол! – не вняв совету приятеля, Питер говорил горячо и убеждённо. – Ты не прав! Да ты же сам сидишь на своём грошовом жалованье, хотя, не сомневаюсь, тебе не раз предлагали «помощь» за незначительные услуги, которые ты мог бы оказать! Многие люди живут честно, а эти русские... – Питер развёл руки в стороны и с надеждой посмотрел на друга. – Сол?...

– Я согласен с тобой в том, Пит, что пока что они для меня – всего лишь «люди из досье», – Сол Лиммэн говорил по-прежнему спокойно. – Ты же знаешь, как у нас любят досье... – невесело улыбнулся он. – Поэтому я и попросил тебя о встрече: ты знаешь этих людей по совместной работе, а работа у них – и у тебя, мой друг! – нелёгкая, поэтому ты можешь многое рассказать мне о них...

– А ты, как Дюпен, сразу же назовёшь мне имя преступника? – саркастически продолжил речь Сола Питер.

– А ты, как Ворон, будешь повторять и повторять: «Никогда!», – парировал его выпад выпускник Гарварда Сол Лиммэн.

– Я ценю твоё знание прозы и поэзии Эдгара Аллана По, Сол, но мне совершенно не смешно! В этой идиотской ситуации мне не до шуток, и ты не можешь этого не понимать: то, что ты рассказал, ставит под угрозу существование самой команды, в создание которой я вложил столько труда и которая только сейчас становится чуть-чуть похожей на ту команду, какой она должна быть...

– Именно поэтому я и здесь, Пит, – серьёзно сказал Сол. – Кое-кто из... больших руководителей хотел устроить нечто вроде... показательного процесса над вами, видимо, у этих парней есть какие-то свои интересы в этом деле. Но мне удалось убедить... других больших руководителей, что твоя «Дельта» – это спортивная гордость Соединённых Штатов (как звучит, а?), и было принято решение, что сейчас гораздо важнее качественно «вычистить нарыв», чем устраивать никому не нужное «публичное слушание дела». И здесь мне нужна твоя помощь.

– Да-а-а, наша встреча – это и в самом деле встреча в моих интересах... – после долгого молчания протянул Питер Джефферсон. – Я правильно тебя понял, что вы хотите без особой спешки, но точно, определить того, кто этим занимается, и тихо и спокойно, без ненужных скандалов и разоблачений, прекратить его деятельность?

– Правильно, но... не совсем. Сначала мы установим за этой деятельностью жёсткий контроль, отследим каналы, какие, разумеется, удастся отследить... Выжмем из этого всё, что можно будет выжать. А дальше... Я ведь сейчас просто не предполагаю, как именно дальше могут развиваться события, Пит, – откровенно признался Сол Лиммэн. – Те, кто этим занимается, от своего «бизнеса» получают такие сверхприбыли, что прогнозировать их действия, их поведение очень трудно. Собственно, здесь приходится рассчитывать и... на самые худшие варианты... В том числе и для того человека, который работает на них в твоей «Дельте»: если его хозяева поймут, что этот человека каким-то образом «засветился», то он автоматически

становится для них не просто лишним, а и очень опасным «лишним», и кто здесь станет считаться с такими мелочами, как человеческая жизнь?...

– Значит, тебе нужно знать об этих людях то, что не попало в их досье? – перешёл к делу Питер Джефферсон. – Знаешь что, пошли-ка отсюда... ко мне в номер, там нам будет удобнее поговорить спокойно.

– Идём, – легко согласился Сол. Он хорошо знал Питера Джефферсона и понимал душевное состояние друга: то, что ему пришлось услышать, стало для технического директора «Дельты» ударом ниже пояса, поскольку сам Питер был человеком, честным до щепетильности, и свои отношения с окружающими он строил на основе порядочности и взаимного доверия. А такому человеку поверить в то, что один из людей, которых принято называть соратниками, не просто работает для кого-то на стороне, но и по уши увяз в таком грязном деле, как наркотики, – очень тяжело...

По лестнице друзья шли молча, но было заметно, что Сол время от времени хотел прервать молчание, но не решался. Наконец, уже возле двери номера он взял друга за руку.

– Возьми это, Пит, – он протягивал техническому директору команды «Дельта» обычную дискету.

– Что это?

– Это... Это я сделал специально для тебя. Ты обязательно должен уничтожить это – после того, как просмотришь. Никаких копий, Пит!

– Сол, что это?

– Это досье на твоих ребят и тебя самого... Как технического директора «Дельты», – счёл нужным добавить Сол Лиммэн. – Сейчас мы с тобой будем говорить так, как будто этих досье для тебя нет. Это и в самом деле так, ты ведь их не смотрел. А потом ты ознакомишься и поймёшь, почему мне нужен разговор с тобой...

– Пусть так... – протянул Питер Джефферсон и, сунув дискету в карман, стал возиться с замком.

– Что именно тебя интересует? – спросил Питер, когда они оказались наконец в его номере.

– Знаешь, во всех учебниках по криминалистике написано, что, к примеру, при квартирной краже, при любом другом преступлении следователь должен выяснить у потерпевшего (если, конечно, он остался в живых...), кого он сам подозревает в совершении преступления. И поскольку ты в этом деле вроде бы выглядишь потерпевшим, я у тебя и спрашивают, как тот следователь: «Кого ты сам подозреваешь?»

Питер глубоко задумался, и Сол не торопил его.

– Не могу... – чистосердечно признался Питер Джефферсон после продолжительного раздумья. – Сол, я не могу никого из них подозревать, хотя, теоретически, это может быть любой из трёх русских...

– Их четверо, – мягко напомнил Сол Лиммэн.

– Четверо?... Ты хочешь сказать, что... ты и твои люди думаете... вы можете подозревать Фила?! – Питер был изумлён и возмущён одновременно.

– Теоретически – как ты высказался! – его и нельзя не подозревать, причём наравне со всеми, заметь это!

– Никогда! – решительно и воинственно произнёс Питер. – Никогда! Даже если не знать этого парня, я имею в виду как человека не знать его, то ответь мне на вопрос: «Зачем это ему?». Зачем ему нужно ставить под угрозу свою карьеру и жизнь, Сол? Он зарабатывает столько, сколько не зарабатывает сейчас ни один велогонщик в мире, понимаешь? Ты до пенсии не заработаешь столько денег, сколько он зарабатывает за год! Это же баснословные деньги, Сол, и он их отрабатывает! За три года он стал миллионером, а по окончании этого сезона его доходы должны удвоиться (Питер суеверно постучал по дереву)... Ну зачем ему это, Сол?

– Пит, прости меня, но ты рассуждаешь как типичный менеджер: если его дела идут в гору, то он имеет много, следовательно, ему нет никакого смысла рисковать своим положением и связываться с сомнительными делами. Теоретически, – Сол чуть улыбнулся, – ты прав, только не забывай, что поступки людей очень часто невозможно объяснить с позиций здравого смысла. Может быть, он просто... очень жадный, этот твой хваленый Фил?

Сол сознательно провоцировал Питера на откровенность: он знал, что Сергей Филаретов не был жадным человеком, что большие деньги, которые этот гонщик честно зарабатывал, тратились им не только на личные, но и, как сказали бы раньше у него на родине, на общественные нужды, причём именно на эти нужды русский гонщик тратил весьма значительные суммы.

Весьма значительные.

Во всяком случае, мало кто из его соотечественников, добившихся в жизни успеха, был столь же последователен в своей благотворительной деятельности.

– И у тебя есть досье, Сол? – с упреком спросил Питер Джефферсон. – Сол, он не жадный! – в голосе Питера была непоколебимая уверенность в своей правоте. – Понимаешь, если бы он был жадным, он бы обязательно добился от команды, чтобы мы оплачивали его телефонные разговоры, он ведь очень много наговаривает по мобильному телефону. И мы бы оплачивали, куда бы мы делись! Вон, люди за гонщиками и любовниц за счёт команды возят... Но он платит за всё сам. И вообще, знаешь, он ведь очень много денег тратит на детишек, на эту свою велошколу в Солнечногорске, постоянно отправляет туда машины, снаряжение, форму, вывозит за свой счёт команды на соревнования... При этом, знаешь, он так свирепо торгуется с поставщиками за каждый доллар, что можно подумать, будто это его последние деньги. Я как-то спросил у него, почему он так себя ведёт, а он ответил, что сейчас детишки у него на родине и без того слишком многое от жизни недополучают в детстве, потому что у них в России, хотя там вроде бы и малость полегчало, всё равно жизнь сейчас такая... нелёгкая. Поэтому, он говорит, пусть хоть здесь у них будет всего вдоволь, и пусть оно будет только первосортное...

Кроме того, он многим помогает, так сказать, в индивидуальном порядке: бывшим спортсменам, инвалидам, сейчас вот на его деньги в Солнечногорске строят какой-то... (здесь Питер запнулся) дом детского творчества, так, кажется, это у них называется... Он говорит, что в его время были, как он их называет, Дворцы пионеров, где детям можно было заниматься тем, чего душа пожелает, а нынешним российским детям, кроме улицы, ничего не остаётся... Теперь ты понимаешь, Сол, почему я не верю, чтобы Фил мог быть причастен к этому всему?

– Это всё очень... трогательно, Пит, – голос Сола по-прежнему был серьёзен. – Но вообще... Это просто гипотеза, но, может быть, на него «наехали» те, кто промышляет рэкетом, и он вынужден отдавать им большие деньги, такие большие, что у него мало что остаётся, и поэтому ему приходится... прирабатывать? Или это они ему предложили так «откупиться» от их требований? Не деньгами, так помощью? Мы тебя не тронем, а ты нам поможешь, да ещё и сам немало получишь? Могло такое быть?

– Ты имеешь в виду... в России?

– Конечно! Там же теперь бандиты хозяйничают, они дорвались до власти на всех уровнях и строят жизнь по своим бандитским законам.

Питер Джефферсон засмеялся.

– Как это ни смешно, Сол, но и здесь всё тоже чисто. Мне не смешно, но это и в самом деле смешно!.. Понимаешь, в этом самом Солнечногорске всеми такими делами, о которых ты говоришь, заправляет парень, который когда-то учился с Филом в одном классе, такой себе местный Аль Капоне из молодых да ранних... Они до сих пор остались с Филом друзьями, и этот Эндрю (Питер Джефферсон именно так произнёс имя Андрея Свистунова, «хозяина» Солнечногорска и преданного друга детства Сергея Филаретова, который горой стоял за своего знаменитого кореша и готов был порвать глотку любому, кто «скажет на него горбатое слово») сейчас вполне легально имеет крупный бизнес, а уж нелегально... В Солнечногорске только

самоубийца может попробовать «наехать» на друга Эндрю Свистуна, а таких даже в России не так уж и много...

– Может, женщины?... – Сол неуверенно посмотрел на Питера, изображая неведение относительно личной жизни Сергея Филаретова.

– Что – женщины?

– А ты сам не знаешь, что такое женщины в жизни мужчины?

– Ты о Филе, что ли? Сол, ты о Филе?!

– Да не кастрат же он у тебя, в самом деле! Здоровенный молодой парень, конечно, собой не красавец, до Леонардо ди Каприо ему далеко, так ведь и не урод же...

– Сол, но у него не может быть женщин, у него же есть Настя!

– Настя – это его жена?

– Не придуривайся! – рассердился Питер Джефферсон. – Ты не можешь не знать, что он не женат, – он несколько сбавил тон. – Настя – это его девушка. Господи, Сол, я только сейчас понял, на кого она похожа, Настя, – на твою Дженнифер, на Дженни! Такая же маленькая, даже очень маленькая рядом с Филом – у него же, каланчи, шесть футов и три дюйма, а она мне по плечо! Такой круглолицый медвежонок с коричневыми глазами и такого же цвета волосами!..

– Эта Настя живёт в России, – достаточно бесцеремонно отвлёк Питера от описания внешних достоинств Насти Смирновой Сол Лиммэн. – А твой Фил месяцами колесит по всему белу свету, и мало ли кто ему встречается...

– Сол, – Питер смотрел на Лиммэна с сожалением, если не сказать с состраданием, – конечно, у меня самого нет семьи, а мои отношения с женщинами, прямо говоря, оставляют желать лучшего, я не стану спорить... Но возьми хотя бы... себя: ты, насколько мне известно, тоже не сидишь всё время на одном месте, и работа у тебя тоже связана с разъездами. Надеюсь, что ты тоже вполне нормальный парень. Вы с Дженнифер женаты уже пятнадцать лет. Ты ей изменяешь? – неожиданно спросил Питер.

– Я изменяю Дженнифер?! – на лице Сола Лиммэна было написано смешанное с обидой изумление. – Ты крейзи, Пит! Чтобы я изменил Дженни!.. Я её люблю, она моя жена, как я могу изменять ей?!

– А почему ты тогда так плохо подумал о русском парне? – Питер, казалось, размышлял вслух. – Ну почему ты думаешь, что он станет искать кого-то, если дома у него есть чудесная девушка, которую он любит так же сильно, как она любит его? Знаешь, Сол, я восхищаюсь людьми, которые умеют любить так, как эти русские парень и девушка... Господи, да если бы ты увидел Настю, у тебя бы язык не повернулся спросить то, что ты спросил, Сол!

– Всё, Пит, всё, я сожалею! Я сожалею... Понятно, что женщины в жизни твоего героя играют... роль... Словом, это не может быть мотивом. Согласен? Так что же тогда?

– Да нет же ничего, Сол! Я же тебе и пытаюсь доказать, что просто ничего нет! Мать его уже двенадцать лет живёт в Израиле, там она вышла замуж за местного, и фамилию её я выговорить не в состоянии. Фил всё время помогает ей деньгами, хотя в этом и нет нужды, пару раз в году бывает у неё... Один раз – за то время, что мы работаем вместе – она сама ездила в Россию, так этот Эндрю Свистун пылинки сдувал с «тёти Розы», как он её называет, а жизнь в Израиле, как ты сам знаешь, с точки зрения преступности, такая, что нам в Штатах об этом можно только мечтать...

– Да уж! – завистливо вздохнул Сол Лиммэн, который никогда не был мечтателем.

– Теперь ты видишь, что ни с какого бока Фил не может быть тем человеком, который связался бы с такими делами, которыми ты занимаешься? – вопреки категоричности тона, Питер смотрел на Сола Лиммэна вопросительно.

Сол Лиммэн молчал.

– Ты не согласен?

– А остальные?

– Подожди-подожди, ты что же, не согласен со мной? – занервничал Питер Джефферсон. – Но почему? Хотя бы это ты мне можешь сказать: почему ты не согласен со мной в том, что Фил никак не связан с... этими проблемами?

– Пока не будет доказано, что это не он, я обязан сомневаться, – Сол Лиммэн чувствовал себя неловко. – Мне тоже очень нравится этот твой парень, Пит. Из того, что я о нём знаю, следует, что он – отличный парень, только...

– Да-а, ты очень своеобразно понимаешь презумпцию невиновности... – протянул Питер Джефферсон. – Очень своеобразно ты её понимаешь, Сол...

– Не будем сейчас дискутировать на темы, касающиеся презумпции невиновности и всего, что с этим понятием связано, хорошо, Пит? Как-нибудь в другой раз... Что ты можешь сказать о Геннадии Орлове?

– Пойми, Сол, ведь Орлов, Лейзерович, Игорь Воскобойников – это всё люди, которые сейчас всем, что у них есть, обязаны «Дельте» и Филу. Если бы не мы – я имею в виду команду и парня – , то они остались бы «у разбитого корыта», как говорят у них в России, после того, как Фил перешёл в профессионалы.

Лейзерович – это его тренер, он тренер высочайшего класса, уникальный специалист, но если бы «Дельта» не предложила ему контракт, ему пришлось бы вернуться в детскую школу и работать там за жалкие гроши... Практически Фил подобрал его, обеспечил ему отличную работу и очень пристойную жизнь...

– Вот видишь, есть и причина, объясняющая гипотетическую ненависть тренера Лейзеровича к Сергею Филаретову: ты ведь и сам знаешь, что люди никогда не прощают тех, кто сделал им добро...

– Только не Лев, Сол. Конечно, он... выпивает, ты не можешь об этом не знать. Конечно, у него более чем сволочный характер, потому что в своё время он был одним из самых великих гонщиков современности, а его даже близко не подпускали к приличным деньгам: он ведь по сто процентный еврей, поэтому боялись, что он не вернётся из-за границы, вот его дальше так называемых «соцстран» и не отпускали – а в тех гонках он на одном колесе объезжал всю компанию... Вот у него и возник этот идиотский комплекс. Плюс водка!

– Прости меня, Пит, только всё, что ты говоришь, по-моему, как раз и служит доказательством того, что как раз Лев Лейзерович и может быть именно тем человеком, которого им ищем: комплекс неполноценности, зависть, пьянство, неуравновешенный характер...

– Это ты ещё очень тактично определил – «неуравновешенный характер»... Это всё так, Сол, только Лев никогда не станет заниматься чем-либо... грязным. Он чистоплотен до брезгливости. Именно так. И потом – он как-то странно относится к деньгам, видно было, что Питер Джефферсон говорит искренно. – Вообще к деньгам, понимаешь? Вот Фил рассказывал, что ещё раньше, когда он и Генка Орлов были пацанами и занимались в секции у Льва (они называют это секцией, Сол), тот очень часто тратил свои деньги на мальчишек: подкармливал их, одевал, покупал что-то нужное из инвентаря. Понимаешь, он ведь действительно фанат велосипеда, тренер от Бога, и если бы не контракт с «Дельтой», он бы в самом деле вынужден был вернуться домой. Но только для того, чтобы снова набрать мальчишек и начать всё сначала! И, между прочим, Фил свято верит, что, случись такое, через несколько лет Лев подготовил бы гонщика ещё более классного, чем он сам. Он так верит в тренерский талант Льва! Наверное, так оно и было бы... Я даже подумываю, чтобы со временем сделать что-то вроде «детской» «Дельты», молодёжную команду, и тогда этим делом должен будет заниматься именно Лев.

– Он у тебя просто идеальный герой...

– Лев – идеальный герой?! Да это бочка с порохом, которая взрывается сама по себе, делает это по тысячу раз на день и сама не знает, что с ней будет происходить через... секунду! Он ухитряется постоянно конфликтовать со всеми в команде, по несколько раз переругался с каждым из нас! Кроме того – он... выпивает... Если честно – пьёт как грузчик! Запойми...

Тогда он может наговорить любому человеку кучу гадостей, и каких гадостей!.. Сколько раз он, я сам слышал, буквально изводил Фила одной и той же песней: вы все дерьмо, а не гонщики, вы не стоите и гроша ломаного, вам всем просто повезло, что вы живёте в такое время, когда можно зарабатывать огромные деньги, но вы получаете наши деньги, которые нам зарабатывать не давали! Знаешь, когда он... выпьет, то ему и в самом деле на глаза лучше не попадаться, потому что он тогда может такое наговорить, любому...

– Тебе, никак, от него тоже доставалось? – голос Сола Лиммэна был спокойным и серьёзным.

– Доставалось, и не один раз, – честно подтвердил Питер. – Когда это произошло в первый раз, я сразу же решил, что Льва нужно гнать к чёртовой матери! И выгнал бы, на следующее же утро, если бы... – видно было, что Питер Джефферсон снова переживает происходившее когда-то, – но... Понимаешь, Сол, мы отмечали самую первую победу Фила, и Лев как-то мгновенно накачался... Это, поверь мне, вспоминать... нелегко: он учинил такой скандал, дым коромыслом, чуть до мордобоя дело не дошло. Филу еле-еле удалось буквально унести его в номер: «Лев Львович, прошу Вас, идёте...» Знаешь, как оно бывает, когда сын старается увести домой пьяного отца, которого обожает?

Так вот, Фил отвёл Льва к нему в номер, уложил его и сидел с ним, пока тот не заснул, а потом вернулся, посидел ещё со всеми... Когда всё закончилось, а ты можешь себе представить наше настроение после... выступления Льва, я пошёл к себе, уже лечь хотел, а тут постучался Фил.

«Мистер Джефферсон, – сказал он мне (мы тогда только притирались друг к другу, поэтому отношения были... официальными), – я думаю, что после сегодняшнего вы захотите уволить Льва Львовича... Так я вас очень прошу: не делайте этого, пожалуйста...»

– Но почему мне не следует это сделать? – я был по-настоящему зол: только-только что-то стало получаться, появились результаты, команда стала похожа на команду – и вот на тебе!

– Потому что... словом, не нужно этого делать. Я попробую объяснить, мистер Джефферсон... Понимаете, он просто такой человек, и другим он уже не может стать, поздно. Он всегда будет таким... Завтра он... проспится и сам будет переживать то, что произошло...

И он остаток ночи рассказывал мне о том, что за человек Лев Лейзерович. И это, Сол, был рассказ сына об отце. Хотелось бы мне, чтобы когда-нибудь мой сын относился ко мне так, как Фил относится к Льву, – задумчиво сказал Питер Джефферсон.

– Ты его, сына, сначала роди, воспитай да на ноги поставь, а потом думай о том, как он к тебе относиться будет!.. – не удержался Сол.

– Замечание справедливое, профессор Лиммэн! – с улыбкой согласился Питер. – Но теперь ты понял, почему Лев Лейзерович не может заниматься тем, что тебя интересует?

– Знаешь, Пит, – помолчав, начал Сол Лиммэн, – то, что ты рассказал... Всё это очень... трогательно и романтично, я даже удивляюсь, что ты стал таким романтиком, это, прости, как-то не вяжется с тем, каким я тебя помню...

– Я не романтик, Сол, я прагматик! Был прагматиком и остался им! – перебил его Питер. – Просто эти ребята, русские, они... какие-то другие... Может быть, потому, что у них ещё осталось то, что мы, кажется, утеряли безвозвратно... Понимаешь, они любят друг друга... по-человечески, а не потому, что так принято или от этого может быть какая-то выгода... Я не утверждаю, что у нас всё так плохо, только... Да я и сам запутался в этом, Сол... Просто я их слишком хорошо знаю, и как-то в голове у меня не укладывается, чтобы кто-то из них мог быть связан с наркотиками...

– Олл райт! Хватит лирических рассуждений! Давай дальше, Пит. Итак, что ты можешь сказать о Геннадии Орлове, механике?

– Как механик он – первый заместитель Господа Бога на земле! Генка чувствует машину нервами, он способен каким-то невероятным образом предвосхищать события, может не спать

ночь, но подготовить всё, что необходимо, за две минуты до того, как это будет нужно... В отношении машины Фил ему доверяет больше, чем себе: если Генка сказал, что всё нормально, то так оно и есть; если Генка сказал, что это нужно сделать, значит, это обязательно нужно делать...

– А как человек он... каков?

– Отличный парень! – Питер ответил не задумываясь. – У нас, в Штатах, он мог бы сделать отличную карьеру, потому что он очень быстро и правильно принимает решения! Великолепно умеет разрядить любую ситуацию, всегда, в самой сложной ситуации, как я сказал, умеет мгновенно найти правильное решение, коммуникабелен и открыт. «Тридцать два зуба – и все напоказ!» – говорят о таких ребятах. Правда, из тридцати двух зубов Генки Орлова добрая половина сработана дантистом: после аварии парня буквально собирали по кусочкам.

Понимаешь, Сол, они, Фил и Геннадий, вместе тренировались у Льва с самого детства, и Лев мне говорил, что в юношах как гонщик Генка (его, кстати, в команде все именно так зовут) был не просто талантливей, а намного талантливей Фила. Кстати, и сам Фил тоже об этом говорил неоднократно, но тут ведь ещё и то нужно помнить, что с командой Льва вышла кошмарная история на каких-то юношеских соревнованиях...

Сол Лиммэн знал из досье о «кошмарной истории», произошедшей с юношеской сборной Советского Союза по гонкам на шоссе, но сейчас он внимательно слушал Питера Джефферсона: ему нужно было знать, как сейчас воспринимают произошедшее люди, жизнь которых когда-то висела на тончайшем волоске, и волосок этот едва-едва не порвался...

– Ты знаешь, что у меня в «Дельте» два лидера: Фил и Хуан Гонсалес, испанец. У них идёт своеобразное «разделение труда»: Фил «закрывает» «Тур де Франс» и «Джиро», а Хуан – «Вуэльту». Так происходит не только потому, что в мире, вероятно, просто не найдётся гонщика, способного в один год выиграть эти три великих гонки, даже Филу это... почти не под силу... – здесь голос Пита Джефферсона стал мечтательным.

– Пит, ты прагматик или нет?

– А!.. Так вот, когда мы только договаривались с Филом обо всём, он честно предупредил меня, чтобы я не рассчитывал на него в плане выигрыша «Вуэльты». Сказал, что на остальных гонках готов отдать всё, и обязательно сделает это, но «Вуэльту» он никогда не сумеет выиграть. Тогда он не стал вдаваться в детали, просто предупредил меня, что двадцать первого сентября каждого года он, Лев и Генка напиваются... как сапожники. Где бы они ни находились, сказал он, что бы ни происходило – они собираются вместе и напиваются... Понимаешь, Сол, они на самом деле напиваются до беспамятства, и так происходит двадцать первого сентября каждого года!

– Почему?

– Тогда Фил сказал мне только, что это очень важный для всех для них день, что так будет всегда, поэтому, если я не готов согласиться на это его условие, то он не сможет работать со мной. Спросил, согласен ли я сотрудничать с ним и его «командой» на таких условиях, если нет – то...

– И ты так просто согласился?

– Знаешь, Сол, я тогда подумал, что он... просто шутит: мы следили за ним уже давно, в том смысле, что собирали о нём информацию, поэтому отлично знали, что сам он практически не пьёт, Генка – не пьёт вообще, остаётся Лев... Мне тогда очень хотелось спросить, в чём тут дело, но я сдержался, сказал, что, конечно же, согласен, а насчёт «Вуэльты» – так я и сам думал, что для неё лучше взять в команду испанца, всё-таки это их, испанцев, гонка, это их горы. Кстати, тогда же сам Фил и предложил взять в команду Хуана. Я-то хотел брать другого парня, уже известного, ведь Хуан на то время был практически никто. Но Фил так спокойно мне объяснил: «Мистер Джефферсон, если всё пойдёт нормально, то Хуан сможет забрать уже следующую «Вуэльту», это феноменально талантливый парень, он рождён для «Вуэльты» и ему

просто нужно дать шанс». Мы за бесценок взяли парня, и произошло так, как сказал Фил: в следующем году «Дельта» выиграла две гонки из трёх, Фил взял «Джиро», и Хуан – свою «Вуэльту»...

– И Филаретов с друзьями выполнили своё обещание насчёт того, что они первого октября напьются? – с интересом спросил Сол Лиммэн.

– Так всё и произошло, как он сказал. Понимаешь, после того, как Фил уверенно выиграл «Джиро», все соперники следили только за ним, тут всё понятно. А он с первого же этапа «Вуэльты» стал работать на Хуана, но так незаметно, так хитро это делал, что его поведение окончательно сбilo всех с толку, он их всех запутал. Даже в первой из двух «разделок» (это гонка с раздельным стартом, Сол), а в «разделке» он король, он так хитро ехал... Когда соперники спохватились, оказалось, что ничего изменить уже невозможно: Хуан-то и в самом деле классный гонщик, а кроме того – на него так эффективно работала вся команда! Правда, этап, который был двадцать второго сентября, Фил проехал... плохо.

– После пьянки он... проехал этап?

– Нельзя было не ехать: открывать карты было ещё рано, нужно было темнить, так он и из этого выжал максимум возможного, запутал всех до такой степени, что после финиша основные конкуренты Хуана на ногах не стояли – Фил заставил их так наработаться!..

– Пит, ты меня заинтриговал, – не очень искренно произнёс Сол Лиммэн, но его друг ничего не заметил. – Что это за такая таинственная пьянка, проведение которой чуть ли не условиями контракта оговаривается?

– Да что тут таинственного... – поморщился Питер Джефферсон. – Просто в этот день у Льва погибла половина команды, много лет назад в этом их Союзе была юношеская командная гонка, и в команду Льва въехал грузовик... А может, и не грузовик, а какая-то другая машина... Нет, точно, они её как-то по другому называли, но разница невелика... Фил и Генка ехали в этой команде, но по раскладу они ехали последними, Генка впереди, а Фил за ним... Ну, первые двое ребят погибли на месте, их чуть ли по асфальту не размазало, Генку в больнице сшивали и склеивали по кусочкам из того, что осталось, а Фил, четвёртый гонщик в команде, отделался сотрясением мозга, ушибами, переломами и содранной кожей... Так судьба распорядилась: он перед этим только что отработал как лидер свой кусок, отвалился отдыхать, вот и был последним... Если бы машина появилась чуть раньше, Фил был бы первым, а Генка – четвёртым... Вот такая, Сол, арифметика...

– Да, – невольно поёжился Сол Лиммэн, – мрачноватый праздник у них получается...

– Поминки – и одновременно второй день рождения... Генка после этого очень долго... болел, так они его всей командой на ноги ставили, а потом Лев сделал из парня отличного механика и дал ему работу в своей команде, откуда они все вместе и пришли. Ну скажи сам, Сол, может такой парень быть связан с наркотиками?!

Сол Лиммэн не отвечал очень долго.

– Если бы ты только знал Пит, кто может быть связан с наркотиками, ты бы не стал этого спрашивать, – наконец мрачно отозвался Сол. – Если принимать во внимание только то, что ты рассказал, то, конечно, нет, но ведь откуда-то же этот трижды проклятый порошок всё-таки попал в Солнечногорск! Я, кстати, не знал, что в этом городе «главный парень» – друг твоего Филаретова, но, согласись, что и эта информация никак не развеивает наши подозрения, скорее уж наоборот: ведь там, где криминал, там практически невозможно обойтись без наркотиков, это друг от друга неотделимо... И, заметь, всё очень просто и удобно может быть передано такой себе простенькой схемой: спортсмены обеспечивают всего лишь доставку товара, обо всём остальном у них голова не болит, и исправно получают за работу немалые деньги. Так сказать, дополнительный приработок, скрытый от департамента налогов и налоговой полиции, у них в России, кстати, теперь тоже есть такая полиция...

– Не надо так шутить, Сол, – попросил Питер. – Это очень... нехорошая шутка...

– Как шутка – согласен. А если это не совсем шутка?...

– Сол!

– Ладно, идём дальше. У нас остаётся ещё Игорь Воскобойников, доктор и массажист одновременно, который, как и все остальные, тоже имеет возможность провозить наркотики. Даже, если учесть род его деятельности в команде, возможность более предпочтительную, чем остальные: ведь врач есть врач, кто может достоверно разобраться в его кухне, мало ли что он может и даже должен возить с собой... Особенно если учесть, что технический директор «Дельты», – здесь Сол Лиммэн искоса посмотрел на Питера, – мистер Джефферсон является большим поклонником спортивной фармакологии и трогательно заботится о том, чтобы его подопечные были сполна обеспечены всеми необходимыми... медикаментами...

– Тебе не следует над этим иронизировать, Сол, – насутился мистер Джефферсон. – «Дельта» и в самом деле тратила и тратит очень много денег на «химию», только ведь... это не совсем обычная для мира велоспорта «химия»! Понимаешь, сейчас без «химии» результатов быть просто не может, её используют и будут использовать все, и нам никуда от этого не деться. И гонщики великолепно знают, на что они идут. Допинговые скандалы, которые время от времени вспыхивают, – это всего лишь верхушка айсберга. По сути, любой парень, который приходит в команду, отлично знает, что он обязан есть всё, что даёт ему доктор, что любые инъекции, которые ему делают, он должен воспринимать как часть контракта. Всё это производственная необходимость.

– ?

– Не притворяйся непонимающим! Когда я начал работать с командой и узнал об этом, я подумал о том, что это не совсем правильно. Понимаешь, если уж без этого нельзя – а без этого действительно нельзя, поверь мне, Сол! – , то вред для здоровья необходимо свести к минимуму. Это стоит намного дороже, чем допинг, но это стоит того, чтобы вкладывать в это деньги, потому что мои парни уверены: «Дельта» сделает всё, чтобы после окончания работы, я имею в виду завершение спортивной карьеры, они могли оставаться нормальными людьми. Чтобы их здоровье полностью не осталось на трассах... Поэтому парни и работают так, как они работают, они прекрасно понимают, что «Дельта»...

– Скажи лучше: Питер Джефферсон! – энергично посоветовал Сол Лиммэн.

– Да нет же, Сол! Именно что «Дельта»! – твёрдо возразил Питер. – Питер Джефферсон всего лишь один из многих. Я согласен, что от него немало зависит, многое зависит, только сам он ничего не сумел бы добиться. Без каждого, кто работает вместе с ним на победу «Дельты». Хотя, – тут Питер широко улыбнулся, – я не стану кривить душой: мне чертовски приятно, что от Питера Джефферсона многое зависит и что пока что он неплохо справляется с тем, с чем должен справляться. Мне это чертовски приятно, Сол...

– Как поклонник «Дельты» с немалым стажем, должен отметить, что он не просто неплохо справляется, он отлично справляется со своим делом, – добавил человек, которого можно было считать другом юности Питера Джефферсона.

– Сейчас я не об этом, Сол. Ты спрашивал об Игоре Воскобойникове. Тебе известно, какая репутация у этого человека в мире спортивной медицины?

– Известно. Чрезвычайно высокая.

– Верно. Игорь Воскобойников окончил два института, дома, в России, защитил диссертацию, он кандидат медицинских наук по их классификации и доктор медицины по нашей. Кроме того, у него больше десятка патентов на созданные им препараты и свыше двух дюжин статей в специальных изданиях... К его слову внимательно прислушиваются все, кто имеет отношение к спортивной медицине. А «Дельта» платит ему столько, сколько он стоит, так что здесь тоже всё без проблем.

– А его отношения с женщинами?...

– Ну до всего вы докопаетесь! – с неодобрением, но близким к восхищению неодобрением, отозвался Питер. – Сол, ты должен был видеть его фотографии как минимум...

– Я его и живьём тоже видел...

– Так чему же ты удивляешься, чёрт бы тебя побрал, и не подсмеивайся надо мной! – возмутился Питер. – Ты иронизировал насчёт внешности Фила, но уж Игоря Воскобойникова смело можно отправлять в Голливуд, и он там быстренько станет одним из лучших специалистов по «дамским сердцам»: красавец парень, фигуре позавидует сам Арни, а улыбка сражает наповал любую особь женского пола от трёх до семидесяти трёх лет!

– А почему именно в этом возрастном диапазоне? – заинтересовался Сол.

– Самый возраст!

– Ага! И поскольку подавляющее большинство женщин пребывает в этом возрасте, этот твой голливудский красавец почти постоянно оказывается замешанным в скандалы, связанные с женским полом, – невинно добавил Сол Лиммэн, как бы продолжая описание достоинств Игоря Воскобойникова.

– Так уж и постоянно! – не согласился с собеседником Питер Джефферсон. – Конечно, Игорь мог бы быть и... более сдержанным с женщинами, это так, но ведь, с другой стороны, ему же приходится буквально постоянно от них отбиваться! Знаешь, у них в России был когда-то такой поэт Маяковский, такой громадный парень с громким голосом, он и у нас в Штатах тоже бывал... Вот этот парень, когда его чем-то там здорово достали, написал слова, которые всё время повторяет Игорь: «Устаёшь отбиваться и огрызаться...» Говорит, что это написано давно, но о нём, о его отношениях с женским полом...

– Женщины требуют денег, Питер! – вернул его к предмету разговора Сол.

– Ты, дорогой мой, сильно отстал от жизни: сейчас денег требуют мужчины! У них в России есть такая не то пословица, не то анекдот. Якобы любая женщина в своей жизни краснеет всего лишь три раза: в первый раз, потом – когда она в первый раз получает за ЭТО деньги, и, наконец, в третий раз – это когда она в первый раз платит деньги сама... Игорь – не жиголо, у него не было и нет такого, чтобы его содержали, хотя при желании он мог бы обеспечить себе роскошную – без преувеличения! – жизнь, многие дамы просто мечтают о таком супруге и готовы щедро платить за исполнение своей мечты. Только Игорь зарабатывает себе на жизнь сам!..

– Может, и на транспортировке наркотиков тоже зарабатывает?

– Да нет же, Сол! Ну почему ты так упорно стараешься убедить меня в том, что кто-то из моих людей причастен к этому и при этом совсем не хочешь слушать то, что я тебе говорю?

– Я понимаю, тебя, Пит, – негромко проговорил Сол Лиммэн, – я тебя отлично понимаю и на твоём месте я вёл бы себя точно так же – кому хочется соглашаться с тем, что он по уши в дерьме?... Сейчас я не имею права рассказать тебе всё, но прошу тебя поверить мне: у нас, к сожалению, есть очень веские основания предполагать, что именно один из этой четвёрки связан с интересующим нас делом. К сожалению, Пит, это так... А может, и не один, может, они все как-то в это дело втянуты... – медленно закончил он.

– Сол!!!

– Пит, не нужно: я сказал то, что я сказал, но это потому, что я на твоей стороне. Как-то так вышло, – жёсткий голос Сола Лиммэна стал очень мягким, по-детски беззащитным и недоумевающим, – что у меня, оказывается, как и у тебя, нет друзей. Есть приятели, коллеги, но главное в моей жизни – Дженни и дети. Как-то так получилось, что они стали... всем в моей жизни... Единственный человек, которого я мог бы назвать своим другом, – это ты, Пит... Ты, дурень толстопузый, сам того не понимая, сделал меня счастливым на всю жизнь – это я о Дженнифер... В общем, я очень сильно... привязан к тебе, Пит, поэтому твоя проблема – это моя проблема! И я рад тому, что оказался в нужном месте и в нужный момент, и что в моих силах... помочь тебе. Это мой долг, Питер, и это не высокие слова: я обязан помочь тебе...

Знаешь, разговор с тобой многое прояснил для меня. Очень хорошо, что нам удалось так поговорить. Самое главное для меня – сегодня я понял, что люди, о которых ты мне рассказывал, тебе... небезразличны. Да что там небезразличны, они ведь тебе дороги, Пит! Только среди них есть один – как же я хочу, чтобы только один, Пит! – , который тебя обманывает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.